

УДК 811.161.1

Майданюк Денис Викторович

преподаватель-методист

Украинско-Польский институт

Одесского национального политехнического
университета

г. Одесса, Украина

denismajdaniuk@gmail.com

Maidaniuk Denys

Specialist in Teaching Methods

Ukrainian-Polish Institute

Odessa National Polytechnic University
Odessa, Ukraine

ЛОГОЭПИСТЕМА КАК ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ В НАРРАТИВЕ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА

В статье рассматривается функционирование имен собственных в качестве прецедентных в нарративе И. Ильфа и Е. Петрова, который представляет собой уникальный материал для анализа реалий, используемых для описания русского социально-культурного пространства начала XX века. Имена собственные, употребляясь для оценки и характеристики различных явлений окружающей действительности, выполняют функцию логоэпистемы и являются следами культуры в языке и языка в культуре.

Ключевые слова: антропоним, лингвокультурологическое пространство, логоэпистема, нарратив, прецедентность, прецедентное имя.

THE LOGOEPISTEME AS A PRECEDENT NAME IN NARRATIVE OF ILF AND PETROV'S WRITINGS

The proper names as a precedence names functioning in the narrative of Ilf and Petrov are examined. Narrative of Ilf and Petrov is a unique material for the analysis of the realities used in describing of the Russian socio-cultural space of the early XX century. Proper names being used for evaluation and characterization of different phenomena of reality, proper names fulfill the function of logoepisthemes, being the traces of culture in language and languages in culture.

Keywords: anthroponym, linguocultural space, logoepisteme, narrative, precedence, precedent name.

Интерес лингвистов к прецедентным именам обусловлен в первую очередь повышенным вниманием к вопросам взаимодействия языков и культур, а также к процессам межкультурной и межъязыковой коммуникации.

Термин *прецедентное имя* восходит к работам В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко и Д. В. Багаевой. В их исследовании прецедентное имя рассматривается в лингвокогнитивном аспекте и понимается как «индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом (Печорин) или с прецедентной ситуацией (Иван Сусанин). Это своего рода знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени [1, с. 172].

В основе идей прецедентности лежит концепция прецедентных текстов Ю. Н. Караулова. Ученый полагает, что прецедентные имена фиксируют определенные аспекты национальной картины мира, связанные с процессами номинации [2, с. 74].

По мнению Н. Д. Бурвиковой и В. Г. Костомарова, прецедентные тексты составляют костяк фоновых знаний человека. Они десятилетиями служат основой обучения, аккультурации ребенка, при их помощи ребенок сначала устно, а потом письменно обучается родному языку.

В 1994 г. В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова писали, что существует некоторый механизм удобного свертывания и хранения прецедентных текстов в виде отдельного слова, словосочетания или фразы. Ученые заметили, что за каждым крылатым словом (высказыванием), если проследить их происхождение, обнаруживается текст или ситуация. «Прецедентное высказывание анафорично по отношению к породившему его тексту, если оно связано с этим текстом структурно, и дейктично по отношению к ситуации, в контексте которой оно в первый раз возникло. Прецедентное высказывание может быть связано с исходным текстом только по смыслу, структурно, будучи автосемантическим» [3, с. 74].

В своих последних исследованиях В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова уже говорят не о текстовой редукции, а о логоэпистеме. Обязательным условием существования данной единицы ученые считают сохранение связи с породившим ее текстом.

Термин *логоэпистема* предложили В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова. Он составлен по модели образования терминов *фонема*, *морфема* из греческого корня *логос* (в богословско-философском смысле – ‘язык, речь, учение, смысл’) и *эпистема* (‘сочетание, стема идей, ведущая к знанию, пониманию’). Речь идет о знании, которое несет некоторая языковая единица с ее «скрытой “внутренней формой”», индивидуальной культурной историей и собственными связями с национальной культурой» [4, с. 7].

Под логоэпистемами принято рассматривать «разноуровневые лингвострановедчески ценные единицы, которые являются стандартным типом

языковой реакции на внешние стимулы» [5, с. 37]. Являясь составляющими когнитивной базы носителей языка, логоэпистемы обладают широким ассоциативным потенциалом и делают речь экспрессивной и эмоционально окрашенной [6, с. 3]. Они усваиваются в процессе социализации и являются средством познания действительности. Анализ таких единиц авторы считают отдельным направлением науки – лингвоэпистемологией или логоэпистематикой.

В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова характеризуют логоэпистему с разных точек зрения. Так, с точки зрения лингвистики логоэпистема обладает следующими признаками:

- имеет словесное выражение, причем может быть выраженной не только в слове, но и в словосочетании, предложении, сверхфразовом единстве;

- характеризуется отнесенностью к конкретному языку;
- является указанием на породивший ее текст или ситуацию;
- в процессе коммуникации не создается заново, но возобновляется;
- в процессе коммуникации может видоизменяться в пределах сохранения познаваемости; в этом случае она приобретает текстообразующую силу.

С точки зрения культурологии логоэпистема характеризуется:

- наполненностью некоторым знанием культурного характера;
- семиотичностью и символичностью, поскольку является элементом системы знаков и символов, используемых обществом;
- герменевтичностью, так как для ее понимания требуется соотнесение с иными текстами как артефактами культуры;
- дидактичностью, так как овладение ею возможно в процессе получения образования в смысле «вращения» в культуру.

Эти признаки логоэпистемы указывают на то, что она является материальным воплощением знаний, мыслей, традиций, обычаев, примет, представлений. Логоэпистема передает особенности национального характера, будучи единственным способом его наивной экспликации.

Таким образом, логоэпистема – это «языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур» [6, с. 39]. Нести отпечаток такого следа отражения действительности могут имена собственные, т.к. согласно лингвострановедческой теории слова имя собственное (антропоним) не только выполняет номинативную функцию, но и несет в себе определенную внеязыковую информацию культурного характера.

Некоторые антропонимы способны аккумулировать культурную информацию и функционировать как свернутые диахронические национально-культурные тексты.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров подчеркивают, что практически любое имя может быть отягощено индивидуальной информацией, но эта возможность реализуется только в зависимости от неязыковых обстоятельств: например, войдет ли имя в пословицу или как писатель назовет героя, получит ли пословица или художественное произведение достаточное распространение [7].

Среди антропонимов иранский лингвист Джахангири Азар выделяет в отдельную группу прецедентные имена, «которые относятся к ядру языковых средств накопления, хранения и передачи культурной информации» [8, с. 96]. Прецедентными становятся имена выдающихся людей – известных писателей, поэтов, философов, политических деятелей и героев литературных произведений, которые имеют особые национальные коннотации.

В нарративе писателей-сатириков И. Ильфа и Е. Петрова особое место занимают логоэпистемы-прецедентные имена, обозначающие:

– исторических лиц: *Карл Маркс* (*Жоржик удручен. Он не хочет райских яблочек, он хочет исторического материализма. Ему не нужен дедушка-машинист, ему нужен Карл Маркс* [Семейное счастье]); *П. Н. Милюков, Булак-Булахович, Пуанкаре, Мазена* (*Тут он беспощаден и в выражениях совершенно не стесняется. Советского автора называют вдруг агентом британского империализма, отождествляют его с П. Н. Милюковым, печатно извещают, что он не кто иной, как объективный Булак-Булахович, Пуанкаре или Мазена...* [Отдайте ему курсив]); *Степан Разин, Фердинанд Лассаль* (... чтобы устранить последние сомнения в чистоте своего происхождения, Подлинник нарисовал свое родословное древо. Ветви этого древа сгибались под тяжестью предков мосье. По мужской линии род Подлинника восходил к *Степану Разину*, а по женской – к *Фердинанду Лассалю* [Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска]);

– деятелей культуры, писателей и художников: *Шекспир, Чехов, Шкваркин* (– Нет. Занимательного и полезного зрелища, то есть зрелища, на котором широкая масса могла бы отдохнуть душой и телом, я сделать не могу. Полагаю, что этого не могли бы сделать также ни *Шекспир*, ни *Чехов*, ни *Шкваркин*. Но то, что не под силу мастерам сцены, вполне доступно котиковым молодым людям [Ваша фамилия]); *Исбах, Бальзак* (– Ах, – говорит утомленный редактор, – *Исбах* далеко не *Бальзак*, но этот *Подпругин* такой уже не *Бальзак!* [Когда уходят капитаны]); *Гончаров, Верещагин* (– Что-то вас много. Сразу три *Гончарова*. – Один – художник. – Ага, значит два *Гончарова* и один *Верещагин* [Начало похода]);

– названия произведений и имена персонажей: *Шахерезада* (персонаж *Шахерезада Федоровна Шайтанова* в рассказе Ильфа и Петрова «1001 день, или Новая Шахерезада»); *Плюшкин, Гарпагон* (– Простите меня, товарищ Кошачий, но вы просто сквалыжник. Самый обыкновенный скупердай. Такой, извините меня, обобщенный тип даже описан в литературе. Вы – *Плюш-*

кин! Гарпагон! Да, да, и, пожалуйста, не возражайте. У вас тяжелая привычка всегда возражать. Вы Плюшкин, и все. Вот и мой заместитель жаловался на вашу бессмысленную мещанскую скупость. Вы до сих пор не можете купить для его кабинета порядочной мебели [Широкий размах]); Ной (И тогда взоры всех колоколамцев с надеждой и возжеланием обратились на капитана Ноя Архиповича Похотиллю, который стоял немного поодаль от толпы и самодовольно крутил свои триумфальные усы. Капитан славился большим жизненным опытом и сейчас же нашелся. – Ковчег! – сказал он. – Нужно строить ковчег! [Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска]); «Соть», «Мадам Бовари» (Жарко. По летнему времени трудно сочинить нечто массивное, многословное, высокохудожественное, вроде «Соти». Тянет написать что-нибудь полегче, менее великое, вроде «Мадам Бовари» [Литературный трамвай]).

Авторы И. Ильф и Е. Петров мыслят историческими фактами и образами; частная жизнь и история, частная жизнь и культура в сознании авторов слиты. Наименования исторических лиц отсылают к «сюжету воспоминаний». Анализ ряда именованных показывает, что авторы сатирически изображали «пережитки прошлого» в лице таких деятелей, как Милуков, Калинин, Пуанкаре и др. В этом ключе нарратив писателей-соавторов представляет уникальный материал для анализа реалий, используемых для описания русского социально-культурного пространства начала XX века.

Прецедентные имена, отсылая к широко известным текстам и ситуациям, а также, выступая символом, сигналом, знаком некоторых артефактов, представляют собой логоэпистемы, употребление которых вызывает у носителя языка череду ассоциаций с прецедентным текстом или ситуацией, стоящими за ней.

Прецедентные тексты закрепляются в сознании своими логоэпистемами и в то же время закрепляют логоэпистемы как «вещь в себе» с определенным значением.

Логоэпистемы играют существенную роль в построении коммуникативного акта, структуризации новых текстов, особенно в публицистике и художественных произведениях, так как они способны сжато, образно, ярко выразить какое-то значение, мнение, причем, не прямо, а отсылая к общему культурному знанию, свойственному данному народу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
3. Костомаров, В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73–76.

4. *Верещагин, Е. М.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2002. – 84 с.
5. *Костомаров, В. Г.* Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. – СПб. : Златоуст, 2001. – 72 с.
6. *Канаева, Е. Н.* Текстовые функции логоэпистемы (на материале газетных заголовков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Канаева. – М., 2007. – 27 с.
7. *Верещагин, Е. М.* Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1980. – 320 с.
8. *Джахангири, А.* Особенности русских личных имен с национально-культурной семантикой / А. Джахангири // Русский язык за рубежом. – 2003. – № 1. – С. 96–99.